

ПРИСУТСТВИЕ ВО ВЗГЛЯДЕ

Упражнения Братства «Общения и освобождения»

Римини, 24–26 апреля 2015 г.

Запись введения, сделанного Хулианом Карроном

Больше всего в начале этих упражнений мы нуждаемся в том, чтобы взывать к Духу, молить Его привести в движение все, что в нас неподвижно, что не открыто, избавить нас от рассеянности и распахнуть наше ожидание, о котором пишет одна из вас: «Сегодня такое утро, когда, встав с постели, не можешь не искать Его. Ты идешь на мессу, прося Господа встретить Его там, а потом и дома, где каждый день перед тобой вновь возникают вызовы жизни. Ты еще не знаешь, как вести себя с твоим ребенком, который во всем видит несправедливость и на все злится, для которого всё под вопросом; ты не знаешь, но в сердце и сегодня горит просьба о любви. В ожидании этих трех дней, упражнений Братства, столь драгоценных и незаменимых, все исполнено просьбы: просьбы о лицах людей, которые, как и ты находятся в пути и которых ты по-прежнему ищешь; просьбы о вечном объятии, которое ты по-прежнему ищешь для тех, кого любишь и для всего мира; жажды слушать, жить памятью, помнить – ведь этого никогда не бывает слишком много. Во мне продолжает гореть любовь ко Христу, к Его компании, которую я по-прежнему ищу, хоть мне уже пятьдесят, потому что ею никогда нельзя наполниться ей до краев».

С такой просьбой, с таким ожиданием, превращающимся в просьбу, обратимся к Духу Святому, да приведет Он к свершению нашу хрупкую попытку принять то, что Господь дарует нам в эти дни.

Снизойди, Дух Святой

«По случаю ежегодных духовных упражнений для членов Братства “Общения и освобождения”, проходящих в Римини, Его Святейшество папа Франциск, духовно соучаствуя в вашем собрании, обращает к вам с рдечными и приветственными мыслями и пожелание для всех присутствующих и тех, кто присоединился к ним по спутниковой связи, непрерывного внутреннего открытия плодотворности христианской веры, подкрепляемой уверенностью в присутствии Христа воскресшего. Святейший Отец

призывает дары Божественного Духа ради щедрого свидетельства о вечной новизне Евангелия на пути, проложенном досточтимым священником, монсеньором Луиджи Джуссани. Прося поддерживать неустанной молитвой его вселенское служение, он испрашивает небесного заступничества Пресвятой Девы и от всего сердца преподает вам и всем собравшимся апостольское благословение, с радостью распространяя его на все Братство и на дорогих вам людей. Кардинал Пьетро Паролин, государственный секретарь Его Святейшества».

Как отмечается в телеграмме Святейшего Отца, в начале наших упражнений мы все еще объаты светом пасхальной ночи. Действительно, вся пасхальная ночь была озарена светом пасхала, тем светом, что Иисус воскресший навечно принес в историю. Именно в этом свете Церковь смотрит на все, может смотреть на все. Лишь после того, как окончательно воссиял свет Воскресения Христова, мы стали способны понять то, что нельзя понять без него: конечный смысл вещей. Поэтому в ту ночь, исходя из настоящего, из момента, когда Церковь охвачена светом Воскресения, диктующим метод взгляда на все, она призывает нас обратиться к истории от самого сотворения мира, обретающей, наконец, полную ясность: в ней нашему взору открывается конечная положительность реальности.

В свете Воскресения мы в состоянии смотреть в лицо самому насущному человеческому вопросу, звучащему в пасхальном гимне: действительно ли стоит появляться на свет? Он возникает, когда жизнь, пусть прекрасная и полная обещания, загоняет нас в угол. Полноценный ответ на этот вопрос человека о собственной жизни можно найти лишь в свете пасхальной ночи. Без надежды на свершение жизни для вечности нет смысла и рождаться. Как напоминает *Послание к евреям*, жизнь превратилась бы в проклятие, ведь мы пребывали бы в страхе смерти, который подобно дамоклову мечу нависает над всеми нами. В свете же Христовой победы можно признать конечную положительность творения, человеческой жизни, жизни каждого из нас, поскольку в ней великий вопрос о смысле находит ответ. В пасхальном гимне говорится: «Тщетным было бы наше рождение, если бы Он не искупил нас!»¹ Что представляла бы собой жизнь без Воскресения Христова, в чем состоял бы ее смысл?

Свет, озаряющий пасхальную ночь, позволяет нам понять всю историю спасения, начиная с избавления от египетского рабства и вплоть до пророков, историю,

¹ Гимн провозглашения Пасхи *Exultet*.

единственная цель которой в том, чтобы мы смогли уловить логику замысла Божия, постепенно открывавшегося во времени.

Библейские чтения навечерия Пасхи рассказывают, что Бог пламенно любит человека и интересуется судьбой даже такого незначительного народа, как Израиль, показывая на его примере, насколько Ему небезразличны людские страдания. Бог начинает отвечать на эти страдания конкретным, особенным образом и уже не оставляет Своих детей. И хотя часто они могли ощущать себя покинутыми, как брошенная женщина с разбитым сердцем, Бог настигает их через пророков, в числе которых Исаия: «Как жену, оставленную и скорбящую духом, призывает тебя Господь, и как жену юности, которая была отвержена. <...> На малое время Я оставил тебя, / но с великою милостью восприму тебя. <...> Я сокрыл от тебя / лице Мое на время, / но вечною милостью помилую тебя, / говорит Искупитель твой». Бог уверяет Свой народ: «Горы сдвинутся / и холмы поколеблются – / а милость Моя не отступит от тебя, / и завет мира Моего не поколеблется, / говорит милующий тебя Господь»².

Где еще эти слова обретают свой подлинный смысл, как не в свете того факта, яркого факта Воскресения Христова? В любом другом случае они остаются лишь красивыми словами, годными для сентиментального утешения, но в глубине не способными осуществить решающий, ключевой переворот и привнести в жизнь что-то действительно новое. Лишь факт Воскресения в достаточной мере озаряет их и наполняет смыслом. И мы можем понять, почему Иисус сказал Своим ученикам: «Блаженны очи, видящие то, что вы видите! ибо сказываю вам, что многие пророки и цари желали видеть, что вы видите, и не видели, и слышать, что вы слышите, и не слышали».³ Пророки принадлежали этой истории, они прожили часть этой истории, желали увидеть ее свершение, но не увидели. Поэтому Иисус и говорит нам: «Блаженны вы, увидевшие!» Он обращается к нам, потому что мы увидели свершение Его замысла!

Поэтому в пасхальную ночь Церкви хватает света, чтобы смотреть на все, на всю тьму, на то, что мы, люди, отказываемся замечать, начиная с собственных грехов, поскольку у нас нет на них ответов. «Это ночь, когда тьму греховную рассеял столп света. Это ночь, которая ныне во всем мире верующих во Христа, освобожденных от мирских пороков и тьмы греховной, возвращает к благодати и собирает в общение святых. Это ночь, когда, разрушив узы смерти, Христос от ада взошел победителем». Перед этим светом народ в радости восклицает: «Тщетным было бы наше рождение, если бы Он не искупил нас!» В свете пасхального события Церковь и все мы вслед за ней можем сказать,

² Ис. 54, 6–8, 10.

³ Лк. 10, 23–24.

если Господь дарует нам благодать малейшей сознательности: «О, сколь чудесно Твоей милости о нас благоволение! О, сколь неизреченно богатство любви: ради искупления раба Ты предал Сына!»⁴

Со Христом воскресшим во взгляде Церковь настолько способна смотреть на все, что осмеливается говорить о нашем грехе слова, кажущиеся разуму парадоксальными: «О счастливая вина!» Рождается новый взгляд на зло, которое внезапно воспринимается как благо: «О счастливая вина, заслужившая столь славного Испытателя!» И пасхальный гимн продолжается: «О воистину блаженная ночь – та единственная, что удостоилась знать время и час, когда Христос воскрес от ада!» Вот тайна пасхальной ночи: «Освящение этой ночи изгоняет зло [мы можем не просто смотреть на него, а видеть его поражение], смывает вину, возвращает падшим невинность и унывающим радость»⁵.

Поэтому, позволяя осветить себя свету, навсегда принесенному в жизнь, в историю событием Воскресения, которое мы праздновали в пасхальную ночь, мы не можем не испытывать благодарности. И не нужно вычеркивать никакое обстоятельство, встающее перед нами, никакие трудности, никакое зло, лежащее на наших плечах – ничто из перечисленного не может быть настолько грандиозным, чтобы на это нельзя было смотреть, чтобы этому нельзя было бросить вызов в свете победы Христа воскресшего. В свете Воскресения мы можем смотреть на все, друзья мои, ничто не исключено из Его победы. Попросим Господа о том, чтобы мы в простоте приняли этот свет, чтобы он проник в самые сокровенные, в самые потаенные уголки нашего бытия!

Но что мы праздновали в пасхальную ночь? Лишь факт из прошлого, благочестивое воспоминание, ритуальный жест, повторяемый из года в год? На этот вопрос не ответишь с помощью одних отвлеченных рассуждений. Никакая мысль не в состоянии утолить острую неотложность этого вопроса, никакое размышление не в силах уgomонить его. О чем свидетельствует нам истина, то есть реальность события, которое мы праздновали в пасхальную ночь? Об одном лишь факте: о событии народа, подобном тому, что мы наблюдали на площади Святого Петра, народа, утверждающего реальность Воскресения, кричащего о нем.

Чтобы рассмотреть во всем его значении произошедшее на площади Святого Петра, мы должны взглянуть в другой факт, в другое событие народа, имевшее место две тысячи лет назад и свидетельствующее о Воскресении Христовом, подтверждающее его.

⁴ Гимн провозглашения Пасхи *Exultet*.

⁵ Там же.

Я говорю о Пятидесятнице. «При наступлении дня Пятидесятницы все они были единодушно вместе. И внезапно сделался шум с неба, как бы от несущегося сильного ветра, и наполнил весь дом, где они находились. И явились им разделяющиеся языки, как бы огненные, и почили по одному на каждом из них. И исполнились все Духа Святого, и начали говорить на иных языках, как Дух давал им провещевать. В Иерусалиме же находились Иудеи, люди набожные, из всякого народа под небом. Когда сделался тот шум, собрался народ, и пришел в смятение, ибо каждый слышал их говорящих его наречием. И все изумлялись и дивились, говоря между собою: сии говорящие не все ли Галилеяне? Как же мы слышим каждый собственное наречие, в котором родились. Парфяне, и Мидяне, и Еламиты, и жители Месопотамии, Иудеи и Каппадокии, Понта и Асии, Фригии и Памфилии, Египта и частей Ливии, прилежащих к Киринее, и пришедшие из Рима, Иудеи и прозелиты, критяне и аравитяне, слышим их нашими языками говорящих о великих делах Божиих? И изумлялись все и, недоумевая, говорили друг другу: что это значит? А иные, насмехаясь, говорили: они напились сладкого вина»⁶.

Как мы видим, с самого начала, с первого мгновения недостаточно находиться перед фактом, пусть даже столь внушительным. Чтобы признать смысл, провозглашаемый фактом, требуется наша свобода. Понять его может тот, кто действительно стремится охватить все факторы, характеризующие событие, тот, кто подходит к нему с «положительно настроенным умом, с нищим умом, готовым с любовью утверждать реальность, составляющую почву, на которой возрастает вера»⁷. Лишь так можно было найти ответ на вопрос, порожденный фактом Пятидесятницы: «Что означает это собрание людей?» – и проверить разумность возможных его истолкований, включая предположение об опьянении учеников.

Именно на этот вопрос, на этот насущный вопрос, на вопрос, порожденный очевидностью Пятидесятницы, отвечает Петр в своей речи, которую донесли до нас *Деяния апостолов*: «Мужи Иудейские, и все живущие в Иерусалиме! Сие да будет вам известно, и внимайте словам моим: они не пьяны, как вы думаете, ибо теперь девять часов утра [рановато для пьянства!]; но это есть предреченное пророком Иоилем: *“И будет в последние дни, говорит Бог, излию от Духа Моего на всякую плоть, и будут пророчествовать сыны ваши и дочери ваши; и юноши ваши будут видеть видения, и старцы ваши сновидениями вразумляемы будут. И на рабов Моих и на рабынь Моих в те дни излию от Духа Моего, и будут пророчествовать. И покажу чудеса на небе вверху*

⁶ Деян. 2, 1–13.

⁷ L. Giussani. *La familiarità con Cristo. Meditazioni sull'anno liturgico*. Cinisello Balsamo (Mi): San Paolo, 2008. P. 105.

и знамения на земле внизу, кровь и огонь и курение дыма. Солнце превратится во тьму, и луна – в кровь, прежде нежели наступит день Господень, великий и славный. И будет: всякий, кто призовет имя Господне, спасется”. Муже Израильские! выслушайте слова сии: Иисуса Назорея, Мужа, засвидетельствованного вам от Бога силами и чудесами и знамениями, которые Бог сотворил через Него среди вас, как и сами знаете, Сего, по определенному совету и предведению Божию преданного, вы взяли и, пригвоздив руками незаконных, убили; но Бог воскресил Его, расторгнув узы смерти, потому что ей невозможно было удержать Его. Ибо Давид говорит о Нем: *“видел я пред собою Господа всегда, ибо Он одесную меня, дабы я не поколебался. Оттого возрадовалось сердце мое и возвеселился язык мой; даже и плоть моя упокоится в уповании, ибо Ты не оставишь души моей в аде и не дашь святому Твоему увидеть тления. Ты дал мне познать путь жизни, Ты исполнишь меня радостью пред лицем Твоим*”. Муже братия! да будет позволено с дерзновением сказать вам о праотце Давиде, что он и умер и погребен, и гроб его у нас до сего дня. Будучи же пророком и зная, что Бог с клятвою обещал ему от плода чресл его воздвигнуть Христа во плоти и посадить на престоле его, Он прежде сказал о воскресении Христа, что не оставлена душа Его в аде, и плоть Его не видела тления. Сего Иисуса Бог воскресил, чему все мы свидетели. Итак Он, быв вознесен десницею Божиею и приняв от Отца обетование Святаго Духа, излил то, что вы ныне видите и слышите. Ибо Давид не восшел на небеса; но сам говорит: *“сказал Господь Господу моему: седи одесную Меня, доколе положу врагов Твоих в подножие ног Твоих*”. Итак твердо знай, весь дом Израилев, что Бог соделал Господом и Христом Сего Иисуса, Которого вы распяли. Услышав это, они умилились сердцем и сказали Петру и прочим Апостолам: что нам делать, муже братия? Петр же сказал им: покайтесь, и да крестится каждый из вас во имя Иисуса Христа для прощения грехов; и получите дар Святаго Духа»⁸.

Только Воскресение Христово должным образом объясняет факт Пятидесятницы. Перед его очевидностью Петр не может остановиться на истолкованиях феноменального или социологического характера. Он охвачен непреодолимым стремлением произнести Его имя: лишь Христос воскресший и сила Его Духа способны дать исчерпывающее объяснение народу, рожденному от Пасхи. Петр весь во власти присутствия Христа воскресшего и потому способен смотреть на реальность, не останавливаясь на поверхностном, преодолевая любой тип неполноценных истолкований. Он смотрит на все исключительно со Христом воскресшим во взгляде.

⁸ Ср. Деян. 2, 14–38.

Только такой взгляд, друзья мои, позволяет нам соответствующим образом, ничего не умаляя, понять, что произошло на площади Святого Петра. Мы принадлежим к народу, рожденному от Пасхи Христовой. Каждый может сравнить свое переживание события народа в Риме с сознанием Петра перед событием народа в Пятидесятницу.

Вот почему пасхальное время, друзья, представляет собой парадигму христианской жизни. Попробуем представить себе, как день за днем явления Иисуса воскресшего, о которых напоминает нам литургия, должны были наполнять жизнь апостолов! Чем была их жизнь, как не утверждением Его живого присутствия, как не существованием с Его присутствием во взгляде! Они уже не могли устранить Его из поля зрения.

«Тайна не неведома; она неведома в той мере, в какой становится содержанием чувственного опыта. Это крайне важная мысль: вот почему говорят о тайне Воплощения, о тайне Вознесения, о тайне Воскресения. Бог как Тайна был бы лишь образом интеллектуального порядка, если бы мы остановились на фразе, сказанной так: “Бог есть Тайна”»⁹.

Отец Джуссани настойчиво подчеркивает: «Бог живой есть Бог, открывший себя в Воплощении через смерть и воскресение Христовы. Истинный Бог есть Тот, Кто пришел к нам, стал осязаемым, осязаемым, доступным зрению и слуху. Тайна <...> сделалась познаваемой на опыте, сделалась присутствием в человеческой истории. <...> Воскресение – высшая точка христианской тайны. Все было создано ради него, ведь в нем – начало вечной славы Христовой: “Отче, пришел час, прославь Сына Твоего”. Все вещи и все люди обретают смысл в этом событии – во Христе воскресшем. Слава Христа воскресшего есть свет, колорит, энергия, форма нашего существования, существования всех вещей»¹⁰.

Посмотрим, как каждый из нас переживал пасхальные дни. Взгляд учеников, их сознание наполняло присутствие Христа воскресшего. А как насчет нас? Что произошло с нами? Мы с легкостью бросаемся в бегство, в нашу жизнь входят беспомощность и отстраненность, как говорит отец Джуссани в том же тексте чуть позже: «Центральность Воскресения Христова прямо пропорциональна нашему бегству, словно от чего-то неизвестного». Часто нам как будто недостает Христа, Он кажется незнакомцем, а не присутствием – настолько близким, чтобы привлекать нас к Себе и наполнять Собой. «Она прямо пропорциональна отсутствию в нас памяти о ней, робости при мысли об этом

⁹ L. Giussani. *La familiarità con Cristo*. Op. cit. P. 69.

¹⁰ *Ibidem*. P. 69, 71.

слове, от которого мы словно отскакиваем. Этому прямо пропорциональна решительность Воскресения как предложения факта Христа, как высшего содержания христианской вести; в нем осуществляется то спасение, то очищение от зла, то новое рождение человека, ради которых Он пришел»¹¹.

Отец Джуссани продолжает: «Именно в тайне Воскресения достигает своей высшей точки и полноты интенсивность нашего христианского самосознания, а значит, моего нового осознания самого себя, способа смотреть на людей и на вещи», начиная с себя самого! Нет другого взгляда, друзья мои! После Воскресения Христова как исторического события есть только один истинный взгляд на нас, на реальность, на вещи, на людей, на историю, – тот, что в Его присутствии находит свет, позволяющий смотреть на все. «Именно в Воскресении, – подчеркивает отец Джуссани, – основание новизны моих отношений с самим собой, моих отношений с другими людьми, моих отношений с вещами. Но именно от этого мы больше всего и бежим. Именно это, если угодно, мы больше всего, пусть и уважительно, оставляем в стороне, уважительно оставляем на уровне сухого слова, воспринимаемого с чисто интеллектуальной точки зрения, воспринимаемого как идея, оставляем потому, что именно так Тайна бросает самый серьезный вызов нашей мере. <...> Христианство есть превознесение конкретной реальности, утверждение чувственного. Романо Гвардини говорит, что нет более материалистической религии [то есть более связанной с конкретной реальностью, с плотью], чем христианство. Оно утверждает конкретные, доступные чувственному опыту обстоятельства, и поэтому человек не испытывает ностальгию по величию, когда его ограничивает то, что должен делать: дела, которые он должен делать, пусть даже незначительные, велики, ведь в них бьется Воскресение Христово. “Погрузившись в великую Тайну...” [*Immersi nel grande Mistero* – первая строка гимна утренней молитвы рядового времени (траппистский монастырь Витторкьяно) – прим. ред.] Мы разбазариваем Бытие, расточаем величие Бытия, его мощь и его власть, мы постепенно выхолащиваем его содержимое, иссушиваем Бытие, Бога, Тайну, Начало и Судьбу, если не ощущаем, что погружены в эту Тайну, в великую Тайну – в Воскресение Христово. *Погружены*, как “я” погружено в “ты”, произнесенное от всего сердца, как ребенок, когда он смотрит на мать, как ребенок, ощущающий мать»¹².

Нам нужно «восстановить в себе разумность ребенка», чтобы мы смогли смотреть на реальность истинным образом. «Вера – вот как зовется человеческая разумность,

¹¹ *Ibidem*. P. 71.

¹² *Ibidem*. P. 71–72, 76.

которая, оставаясь в нищете, свойственной ее изначальной природе [как пустая амфора утром у источника], переполнена чем-то иным, поскольку сама по себе пуста, словно раскинутые руки, которым еще предстоит обнять долгожданного человека. Я не могу воспринимать самого себя вне Твоей великой Тайны: камень, отверженный строителями мира сего или всяким человеком, воображающим и планирующим свою жизнь, стал краеугольным камнем, и лишь на нем одном можно строить. Эта Тайна – Христос воскресший – есть судья нашей жизни; Тот, Кто будет судить ее всю целиком в конце времен, судит ее изо дня в день, из часа в час, из мгновения в мгновение, непрестанно. Хочу подчеркнуть: видеть Его воскресшим <...> значит выносить суждение: Ты воскрес, о Христе». Это признание того, что с Ним произошло, Его смерти, есть суждение <...>, [иными словами] акт разума, преодолевающего обычный горизонт рациональности и улавливающего Присутствие, свидетельствующего о Присутствии, которое во всех смыслах превосходит границы человеческого действия, человеческого существования и истории <...> Мы способны признать Его воскресшим и погрузиться в Его великую Тайну по благодати; по благодати мы можем признать, что, если бы Христос не воскрес, все было бы тщетным, тщетной была бы наша вера, а значит, как говорил святой Павел, тщетно то положительное, уверенное, радостное, что мы утверждаем, тщетна наша весть о счастье и спасении, и “вы еще во грехах ваших”, во лжи, в небытии, в неспособности быть»¹³.

Отец Джуссани не признает полумер: «Без воскресения Христова есть лишь одна альтернатива: ничто. Мы об этом никогда не думаем и потому проводим наши дни в низости, в убогости, в оцепенении, в тупой инстинктивности, в той отвратительной рассеянности, в которой “я” теряет себя. И тогда, говоря “я”, мы утверждаем наши мысли, нашу меру (называемую также «совестью») или же наш инстинкт, наше стремление иметь что-то, наше мнимое, иллюзорное обладание. Вне Христова воскресения все обращается в иллюзию, и она играет нами. Иллюзия – латинское слово, корнями уходящее к слову «игра»: нами играют, мы внутренне обыграны, обмануты. Нам несложно взглянуть на бесконечное человеческое стадо нашего общества, на грандиозное, бескрайнее присутствие людей, живущих в наших городах, людей, живущих по соседству <...>, людей, особенно близких нам дома. И мы не можем отрицать, что переживаем на опыте эту ничтожность, эту убогость, это оцепенение, эту рассеянность, эту полную растерянность нашего «я», это состояние «я», при котором оно яростно и высокомерно утверждает либо собственные мысли <...>, либо инстинкты, цель которых – захватывать то, что человек

¹³ *Ibidem*. P. 76, 78.

выбирает угодным, удовлетворительным и полезным для себя, и обладать этим <...> Перед тайной Христа воскресшего слова “просить”, “молить”, “вопрошать” становятся как никогда важными»¹⁴.

Поэтому, продолжает отец Джуссани, «чтобы погрузиться в великую Тайну, мы должны умолять, должны просить: просить – вот самое великое богатство. <...> Самый живой и драматичный реализм – просьба, обращенная к Нему»¹⁵. Как писал святой Августин: «Если твоё желание пребывает пред Ним [перед Тайной], Он, видящий тайное, исполнит его. <...> Твоё желание есть твоя молитва [твоя просьба]; если не престанет желание твоё, не престанет и твоя молитва. <...> Если не хочешь прервать молитву, не переставай желать»¹⁶.

Какая безмерная, безграничная благодарность рождается, когда вновь слышишь подобные вещи, когда замечаешь, что Христос еще раз столь ясным образом являет Свое присутствие! Никакая весть не сравнится с этой: Христос присутствующий все еще милостив к нам. Так Он продолжает быть первым, *primerea* – предварять нас. С таким присутствием во взгляде мы можем смотреть на все и обо всем выносить суждение, обращать на наши времена, на пустоту, на насилие, на муки, на нетерпимость взгляд, полный света.

Этот взгляд помогает нам в полной мере понять пережитое на площади Святого Петра. В Риме для нас произошло событие, – об этом говорится в ваших письмах. «Мы с друзьями возвращались домой на машине, – вкратце рассказывает один человек, – и атмосфера была другой: все ясно осознавали: для нас в тот день что-то произошло». По многим признакам седьмое марта не осталось лишь на уровне сиюминутного сентиментального порыва, оно определило новый взгляд на жизнь.

Что же случилось на площади Святого Петра? Папа не просто говорил с нами. Вместе с ним мы пережили событие, которое, если выразиться его собственными словами, «децентрализовало» нас, в очередной раз привело нас к истинному центру и позволило испытать на опыте действие Христово. Смотреть на все, что с нами произошло, можно, лишь отталкиваясь от этого опыта. Благодаря папе Франциску случилось то, о чем он нам говорил: встреча, встреча, полная сострадания, милосердия. Таков и метод пасхальной ночи. Поэтому именно в свете приобретенного опыта мы в состоянии понять слова папы, сказанные нам, включая и его призыв к обращению. Они

¹⁴ *Ibidem*. P. 78–79, 81.

¹⁵ *Ibidem*. P. 81.

¹⁶ Sant'Agostino. *Esposizione sui Salmi*. Salmo 37, 14.

не позволят нам потерять из виду центр – Христа – во всем, что мы делаем.

Я заметил, что некоторых в определенном смысле удивил призыв к обращению. Друзья мои, было бы заносчивым думать, что у нас нет нужды в обращении, что нам нечего менять в самих себе. Кому из нас не требуется обращение? Разные реакции на этот призыв напомнили мне об отрывке из *Послания к евреям*, в котором цитируются стихи из *Книги Притчей*. Думаю, они помогут нам читать речь папы в правильном ключе: «Посему и мы, имея вокруг себя такое облако свидетелей, свергнем с себя всякое бремя и запинаящий нас грех и с терпением будем проходить предлежащее нам поприще, взирая на начальника и совершителя веры Иисуса, Который, вместо предлежавшей Ему радости, претерпел крест, пренебрегши посрамление, и воссел одесную престола Божия. Помыслите о Претерпевшем такое над Собою поругание от грешников, чтобы вам не изнемочь и не ослабеть душами вашими. Вы еще не до крови сражались, подвизаясь против греха, и забыли утешение, которое предлагается вам, как сынам: *сын мой! не пренебрегай наказания Господня, и не унывай, когда Он обличает тебя. Ибо Господь, кого любит, того наказывает; бьет же всякого сына, которого принимает.* (Притч. 3,11–12) Если вы терпите наказание, то Бог поступает с вами, как с сынами. Ибо есть ли какой сын, которого бы не наказывал отец? Если же остаетесь без наказания, которое всем обще, то вы незаконные дети, а не сыны. <...> [Бог наказывает] для пользы, чтобы нам иметь участие в святости Его. Всякое наказание в настоящее время кажется не радостью, а печалью; но после наученным через него доставляет мирный плод праведности»¹⁷.

Обратим внимание на разницу между разными реакциями на речь папы и тем, как отреагировал отец Джуссани на признание Братства «Общения и освобождения» 11 февраля 1982 года. Так у каждого будет возможность произвести сравнение. «Актом Святейшего Престола “учреждается и в глазах вселенской Церкви утверждается в качестве юридического лица ассоциация мирян, называемая Братством “Общения и освобождения”, которая о бъявляется полноправной Ассоциацией понтификального права и должна всеми признаваться таковой”. Текст декрета сопровождался письмом, адресованным отцу Джуссани кардиналом Росси». В нем приводился список «указаний», среди которых значилось следующее: «Последовательно утверждая собственную харизму, необходимо избегать “искушения самодостаточностью”; признание церковной природы Братства подразумевает “его полную расположенность и общение с епископами, начиная

¹⁷ Евр. 12, 1–11.

с верховного пастыря Церкви»; <...> [священникам надлежит] “служить Единству”; <...> [никто же] из членов не должен препятствовать, “чтобы вера сохраняла силу освещения жизни”» и так далее. «Джуссани впоследствии вспомнит, как сказал кардиналу Росси, который зачитывал ему письмо, о том, что хотел его опубликовать, и как тот ответил ему: “Нет, не печатайте его! Недоброжелатели могут неподобающе истолковать содержащиеся в нем рекомендации”. Для Джуссани же, напротив, письмо как раз было “примером материнской заботы Церкви, которую ей удается” – когда есть пастыри, подобные кардиналу, – “проявлять по отношению к своим детям”. Тогда кардинал согласился на публикацию»¹⁸.

Почему нам так страшно внять призывам папы и признать собственные ошибки? Потому, что мы по-прежнему ищем состоятельности в том, чем занимаемся или чем обладаем, то есть потому, что мы отошли от Христа. Поэтому в нас никогда нет ни покоя, ни радости, ведь мы не опираемся на то, что с нами произошло, на Того, Кто с нами произошел.

Почему же папа и отец Джуссани не испытывают этого страха? Потому, что возлагают надежды не на то, чем занимаются или чем обладают. Послушайте, что говорит Джуссани (по-моему, это ключевое суждение, позволяющее нам должным образом начать упражнения и смотреть на все в свете воскресения Христова): «Обычно <...> мы ищем состоятельности в том, чем занимаемся или чем обладаем, что по сути то же самое. Поэтому в нашей жизни никогда не нет того ощущения, того опыта полной уверенности, который выражается словом “мир” [умиротворенность], нет той уверенности и той полноты <...>, той полной уверенности <...>, без которой нет мира <...>, нет радости. В лучшем случае мы достигаем удовлетворения собственными делами или же самими собой. Но это обрывочное удовлетворение делами или самими собой не приносит никакого веселья и никакой радости, никакого твердого ощущения полноты, никакой уверенности и никакой полноты». Вот что мы теряем! «Уверенность – это что-то, произошедшее с нами, случившееся с нами, вошедшее в нас, встреченное нами: <...> состоятельность нашей личности <...> [это] что-то, произошедшее с нами <...>, “Кто-то с нами произошел”. <...> “Уже не я живу, но живет во мне Христос”»¹⁹.

Папа и отец Джуссани способны смотреть на все, поскольку они уверены во Христе и в Его милосердии. Папа даже говорит: «Вы не раз слышали от меня, что встреча

¹⁸ A. Savorana. *Vita di don Giussani*. Milano: Bur, 2014. P. 602–603.

¹⁹ L. Giussani. *La familiarità con Cristo*. Op. cit. P. 25–26.

с Иисусом Христом происходит преимущественно через грех»²⁰. Невозможно представить себе ничего более освобождающего и в большей мере помогающего смотреть на самих себя, на все то, чем мы являемся, и даже на то, на что мы смотреть не в силах! Какой опыт должен был пережить папа, чтобы сказать такое на весь мир? «Главное место встречи – мой грех, которого достигла ласка Христова милосердия»²¹. Уверенность во Христе рождается от его дерзновения. Это то же дерзновение, с каким в пасхальную ночь Церковь кричит всему миру: «О счастливая вина, заслужившая столь славного Искупителя!» Нам ничего не нужно отвергать, ничто не отринуть этим взглядом, этим объятием, полным сострадания.

Попытки порицать самих себя, страх, недостаточная смелость подтверждают, насколько мы отошли от Христа, насколько мы от Него далеки и как сосредоточены на самих себе: центр жизни больше не в Христе! Лишь тот, кто не отделился от Христа, не боится смотреть на все, даже на собственное зло. Нам просто необходимо выйти из центра, чтобы Он вернулся туда и позволил нам смотреть на все, в буквальном смысле на все! «Иисус Христос всегда первый, Он предшествует нам, ждет нас, Иисус Христос всегда предваряет нас; приходя к Нему, мы понимаем, что Он нас ждал»²². Можно ли вообразить большой подарок для нас, для нашей жизни? Есть ли что-то более полезное для того, чтобы начать эти дни?

Но это еще не конец, еще не все. Ведь без опыта милосердия я не только не обрету мир, но прежде всего не познаю Христа по-настоящему. «На порядочных людях, – говорит Пеги, – нет того отверстия, которое проделывает тяжелая рана, неизбывное отчаяние, неотступное угрызение, никогда не зарастающий шов, смертельная тревога, подспудная тоска, тайная горечь, вечно скрываемое крушение, никогда не заживающий рубец. На них нет того прохода для благодати, каким по сути является грех. <...> “Порядочные люди” не омываются благодатью»²³.

Нам об этом сказал и папа: «Лишь тот, кого коснулась нежная ласка милосердия, действительно знает Господа»²⁴. Без опыта милосердия мы не познаем Христа! Думать, будто мы безгрешны, – самообман и наивность, но более того, если мы не переживаем на опыте и не признаем его милосердие, мы никогда не сможем – никогда! – узнать, кто

²⁰ Франциск. *Обращение к движению «Общение и освобождение»*. 7 марта 2015 г.

²¹ Там же.

²² Там же.

²³ Ш. Пеги. *Дополнительная заметка о Декарте и картезианской философии // Избранное: Проза. Мистери. Поэзия*. М.: Русский путь, 2006.

²⁴ Франциск. *Обращение к движению «Общение и освобождение»*. 7 марта 2015 г.

такой Христос. Отсутствие опыта Его милосердия подтверждает, что мы отошли в сторону, отстранились, отделились от Христа.

И поэтому какое утешение – перечитывать в начале наших упражнений рассказ о фарисее и грешнице!

«Некто из фарисеев просил Его вкусить с ним пищи; и Он, войдя в дом фарисея, возлег. И вот, женщина того города, которая была грешница, узнав, что Он возлежит в доме фарисея, принесла алавастровый сосуд с миром и, став позади у ног Его и плача, начала обливать ноги Его слезами и отирать волосами головы своей, и целовала ноги Его, и мазала миром. Видя это, фарисей, пригласивший Его, сказал сам в себе: если бы Он был пророк, то знал бы, кто и какая женщина прикасается к Нему, ибо она грешница. Обратившись к нему, Иисус сказал: Симон! Я имею нечто сказать тебе. Он говорит: скажи, Учитель. Иисус сказал: у одного заимодавца было два должника: один должен был пятьсот динариев, а другой пятьдесят, но как они не имели чем заплатить, он простил обоим. Скажи же, который из них более возлюбит его? Симон отвечал: думаю, тот, которому более простил. Он сказал ему: правильно ты рассудил. И, обратившись к женщине, сказал Симону: видишь ли ты эту женщину? Я пришел в дом твой, и ты воды Мне на ноги не дал, а она слезами облила Мне ноги и волосами головы своей отерла; ты целования Мне не дал, а она, с тех пор как Я пришел, не перестает целовать у Меня ноги; ты головы Мне маслом не помазал, а она миром помазала Мне ноги. А потому сказываю тебе: прощаются грехи ее многие за то, что она возлюбила много, а кому мало прощается, тот мало любит. Ей же сказал: прощаются тебе грехи. И возлежавшие с Ним начали говорить про себя: кто это, что и грехи прощает? Он же сказал женщине: вера твоя спасла тебя, иди с миром»²⁵.

Кто больше знает Иисуса? Кто способен испытать бóльшую любовь и жить согласно той нравственности, о которой говорил нам папа? Тот, кому многое простилось, много и возлюбил. Как могла та женщина так сильно любить? Ей помогало сознание о том, что благодаря встрече с Тем Человеком все в ней уже прощено. Какое дерзновение! Дерзновение, проистекающее из факта прощения, позволяет ей войти в дом и совершить действие, не знающее прецедентов! Было место, где ее приняли со всем совершенным ею злом, где она ощутила себя охваченной взглядом, полным милосердия. И поэтому она не боялась смотреть на собственный грех. Переместив центр тяжести с себя и со своего греха, пронизанная взглядом Христа, та женщина ни на что уже не могла смотреть без Христа во взгляде. Вот освобождение, которое Христос приносит в нашу жизнь, сколько

²⁵ Лк. 7, 36–50.

бы мы ни согрешили.

Попросим, чтобы Христос настолько наполнил Собой эти дни, чтобы мы вернулись домой свободными.

Жест такого масштаба невозможен без вклада каждого из нас. «Какого вклада? – спрашивал отец Джуссани на упражнениях Братства 1992 года. – Одного-единственного: молчания. Попробуем хотя бы в эти полтора дня <...> открыть для себя молчание и погрузиться в него! В нем превозносятся мысль и сердце, восприятие того, что нас окружает, а потому и братское, дружеское объятие людей и вещей. Попробуем в течение полутора дней в году напрячь силы, взять на себя труд молчания!» Мы потеряем лучшее, если не позволим происходящему проникнуть в нас до самой глубины. «Пребывать в молчании не значит не говорить; молчание означает переполненность сердца и ума самым важным, тем, о чем обычно мы совсем не думаем, хотя именно это – тайный мотор, движущий всеми нашими действиями. Никакого из наших дел не достаточно, ни одно из них не удовлетворяет, не исчерпывает разум <...>. [Напротив] молчание <...> совпадает с тем, что мы зовем памятью» и что позволяет войти в нас этому взгляду. «Вот почему мы настаиваем, чтобы молчание соблюдалось в его природе <...> и, кроме того, чтобы сохранялся контекст (и здесь память будет полезной): попробуем не говорить впустую. Рекомендуем соблюдать молчание прежде всего во время перемещений», ведь так, когда мы входим в зал, «памяти будут способствовать музыка, которую мы услышим, или картины, которые мы увидим; так мы настроимся на то, чтобы видеть, слушать, чувствовать умом и сердцем вещи, которые тем или иным образом Бог нам предложит. Нужно иметь, – завершает Джуссани, – великое сочувствие по отношению к тому, что и как нам предлагается; замысел благ и подразумевает твое благо, любовь к тебе. Было бы крайне тоскливо не иметь возможности делать что-либо еще, но то, что мы делаем вместе в эти полтора дня – одно из проявлений того грандиозного и исполненного любви действия, с помощью которого Господь – замечаешь ты это или нет – подталкивает твою жизнь навстречу Судьбе, которой Он является»²⁶.

²⁶ L. Giussani. *Dare la vita per l'opera di un Altro*. Esercizi spirituali della Fraternità di Comunione e liberazione. Appunti dalle meditazioni. Rimini, 1992 // *CL-Litterae Communione*. N. 6. 1992. P. 4–5.